

Елена В. Тырышкина
Новосибирск

Интерпретация Апокалипсиса в *Крестовых сестрах* К. М. Ремизова

Современность в этом произведении включена в контекст мировой истории посредством аллюзий на Апокалипсис. Конец света совершается в видениях главного героя Маракулина. В этих видениях будут объединены все персонажи. Всех их ждет одна и та же печальная участь. Апокалипсис в *Крестовых сестрах* — это своеобразная „мозговая игра” Маракулина: сознание, разум, лишенный религиозного чувства, представляет картины Страшного Суда как продолжение земного абсурдного существования. Отсутствие всепоглощающей и объединяющей всех и вся веры — и превращает этот мир в хаос.

Проанализируем художественную версию Страшного Суда в повествовании. Упоминания в Втором пришествии не раз встречается в тексте: „**В чем застану, сужу тебя!**”, „Времена созрели, исполнилась чаша греха...”, рассказы „безумствующего старца” о Страшном Суде ¹ и т.д. Идея Апокалипсиса развивается в нескольких аспектах — это катастрофа человечества, русского народа, отдельной личности.

Речь пойдет о двух фрагментах, где наиболее ярко и в „концентрированной” форме отражены взгляды писателя на библейский сюжет, применительно к событиям начала XX века. Первый — рассуждения Маракулина (внутренний монолог) о возможностях построения „земного рая”; второй — его „видения” смертного поля.

Монолог Маракулина придется процитировать целиком, так как он потребует подробного анализа, при котором текст должен быть перед глазами:

... как бы поступило человечество, если бы, ну скажем так, великие державы, союз держав мира во главе с Англией, предложи-бы особыми манифестами через палаты и думы подданным своим — всему человечеству эту

¹ А. М. Ремизов, *Крестовые сестры*. Москва 1989, с. 16, 21, 26. Здесь и далее жирным шрифтом набраны фразы, выделенные самим А. М. Ремизовым в тексте *Крестовых сестер*, а разрядкой — выделенные мною (Е.Т.)

вошью, беспечальную, безгрешную и бессмертную жизнь генеральши. Уж такая бы возможность выдалась действительным ли **открытием**, ну какой-нибудь ученый немец — Виттенштаубе наукою дошел бы с помощью своих рентгеновских лучей, или **обманом**, ну какой-нибудь наш бывший губернатор Бурков — **самоистребитель** — мало ли сколько по Руси таких истребителей, изуверно обращающих на себя свой недожинный талант, сам Бурков изобрел бы некоторый фортель, шельмовство временное и уж, конечно, так, чтобы чисто, или **дерзновенным**, ну какой-нибудь светоносный, святолепный старец Кабаков, завалив свое подполье с граммофоном, изрекающим глас с небеси, объявил бы себя миру, как вождь и судия — искупитель изначального Муркина греха, и сотворил бы нерукотворный **Новый Сион** с миром и милостью, скоро, просто и дешево, как отнеслось бы, что ответило бы на это человечество? А думаю я так, продолжал Маракулин рассуждения свои с маракулинским упорством доходя до своей точки, — забыв должное и недолжное и всякое спасение, тихонечко, не снимая шляп и других соответствующих сану головных уборов, спустили бы подданные с себя штаны, да, осенив себя крестным знамением, на зов мужественного свободного, гордого, святого слова юкнули быв какую-нибудь гигантских размеров конским волосом заросшую голову, состроенную хоть и у нас на том же Бельгийском заводе, прыгнули бы в этот **кабаковский** нерукотворный Новый Сион с миром и милостью, чтобы начать новую **вошью** жизнь: **беспечальную, безгрешную, бессмертную**, а главное спокойную: питайся, переваривай и закаляйся. **Стульчиком** складным обзавестись всегда успеется, да может, в таких условиях, когда у каждого на шею забренчит коровий колокольчик, чтобы питаясь, не затеряться, а без складного стульчика безопасно будет по фонтанке для моциона прогуливаться и на Загородный в церковь ходить. И надо думать, так поступило бы все **разумное и доброе** — кто себе враг! — и поступило бы законно, правильно, мудро и человечно: в самом деле, ну, кому охота маяться, задыхаться без сна, потеряв терпение и покой!²

Этот текст обнаруживает перекличку Ремизова с Достоевским (*Преступление и наказание, Записки из подполья*). Кроме того следует обратить внимание на искусные вкрапления и обработку мотивов *Трех разговоров* В. Соловьева (точнее, *Краткой повести об антихристе*, входящей в это произведение). Вот некоторые фрагменты из *Краткой повести...*:

Внутреннее значение антихриста как религиозного самозванца „хищением”, а не духовным подвигом добывающего себе достоинства Сына Божия, связь его с лжепророком-тавтамургом, обольщающим людей действительными и ложными чудесами, темное и специально греховное происхождение самого антихриста, действием злой силы приобретающего свое внешнее положение всемирного монарха. [...] Данный в Откровении характер лжепророка и прямо указанное там назначение его — морочить людей в пользу антихриста — требует приписать ему всякие проделки колдовского и фокуснического свойства [...] новый год своего властвования римский и всемирный император издает новый манифест: „Народы земли! Я обещал вам мир, и я дал вам его. Но мир красен только благоденствием. Кому при мире грозят бедствия нищеты, тому и мир не радость. Придите же ко мне теперь все голодые и холодные, чтобы я насытил и согрел вас.” И затем он объявляет простую

² Там же, с. 44-45.

и всеобъемлющую реформу, уже намеченную в его сочинении и там уже пленявшую все благородные и трезвые умы [...]. Новый владыка земли был прежде всего сердобольным филантропом — и не только филантропом, но и филозоом. ... общества покровительства животным всячески поощрялись им. Важнее этих подробностей было прочное установление самого основного равенства — равенства всеобщей сытости [...] Христос, проповедуя и в жизни своей проявляя нравственное добро, был исправителем человечества, я же призван быть благодателем этого отчасти исправленного, отчасти неисправимого человечества. ... Христос принес меч, я принесу мир. Он грозил земле страшным последним судом, но ведь последним судьей буду я, и суд мой будет не судом правды только, а судом милости. [...] Грядущий человек был выбран почти единогласно в пожизненные президенты Европейских Соединенных Штатов [...]. И по настоятельным внушениям тайного „отчего” голоса объявил себя единым воплощением верховного божества.³

Такое обширное цитирование поможет выявить прямое и косвенное „заимствование” элементов чужого текста и позволит отметить точки пересечения двух версий Второго пришествия (соловьевской и ремизовской). Комментарии и анализ:

„Союз держав во главе с Англией” у Ремизова ассоциируется с соловьевскими „Европейскими Соединенными Штатами”. Здесь ясен и намек на возможность переустройства мира парламентскими методами (Англия — страна старейшего парламента). Слово „манифест” также является прямой отсылкой к В. Соловьеву. Но здесь в сюжетную канву *Краткой повести...* вплетается другой литературный мотив — из творчества Ф.М. Достоевского: вошь жизнь в значении ничтожного животного существования. Вошь жизнь генеральши Холмогоровой, проводящей все время за едой, прогулками в баню и церковь, становится символом бытия ходячей бездушной плоти. Генеральша виновна тем, что не страдает, когда все вокруг мучаются. Она, в отличие от старухи-процентщицы из *Преступления и наказания* не наживаетея на чужом несчастье, она благоденствует среди несчастий, не замечая их. Как видно уже с самого начала вариант политических реформ как возможного земного „рая” ведет к жизни животной, стадной, безнравственной. Непосредственный переход к этой жизни у Ремизова предлагается произвести с помощью науки, причем „открытие ученого немца” стоит в одном ряду с „обманом” (выделено курсивом самим писателем). Подобное отношение к науке, к тому же иностранного происхождения можно истолковать двояким образом: негативное отношение символистов к позитивистской науке конца 19 века — общеизвестно,⁴ а немецкая фамилия ученого является знаком

³ В. Соловьев, *Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об антихристе и с приложениями*, [в:] В. Соловьев, *Сочинения в 2 тт.* Москва 1988, т. 2, с. 641, 642, 746, 747, 741, 745, 760.

⁴ З. Г. Минц, *Блок и русский символизм*, „Литературное наследство”, Москва 1980, т. 92, кн. I, с. 104.

„вторжения” в русскую культуру чуждых западных влияний. Бурков — владелец дома, где проживают многочисленные персонажи *Крестовых сестер*, „антихрист” местного масштаба. Его „фортель и шельмовство” — тоже аллюзия на *Краткую повесть...* (см. о „колдовстве и фокусах”). Но основное внимание уделено не Буркову, а старцу Кабакову — у Ремизова это „антихрист” мирового масштаба. Этот старец имеет по крайней мере двух реально существовавших прототипов: Г. Распутина и старца Федотушку. Вот вырезка из газеты за 1908 г. (из нескольких собранных писателем, все о событиях страшных, или смешных и страшных одновременно):

7 февраля выездной сессией окружного суда в Верхотурье, Пермской губернии, началось разбором дело о старце „Федотушке”. Живя уединенно в лесу и выдавая себя за иеромонаха, Федотушка привлекал толпы паломников, преимущественно женщин. Некоторых богомолков Федотушка оставлял при себе, для у до влетьворения своих страстей, а потом убивал.⁵

(выделено А.М. Ремизовым). Г. Распутин и „старец” представляли собой людей внешне благочестивых в сочетании с наклонностями низменно порочной натуры. Г. Распутин, приближенный к царскому дому, обладающий возможностью влиять на управление страны, вмешиваться в дела государственной важности, становится для писателя реально существующим „антихристом” во плоти. Но почему появляется фамилия „Кабаков”? Дело не только в том, что здесь просматривается указание на привычки и наклонности Распутина. „Светоносный святолепный старец Кабаков” — образ, восходящий к традициям карнавальная культуры. Кабак в этой традиции становится символом антицеркви.⁶ Перед нами фарс на Новый Завет (Откровение Святого Иоанна Богослова), имеющий своей целью изобразить „перевернутую” действительность как примету воцарения лжепророка. Старец появляется из подполья, откуда, как известно, герой Достоевского провозглашал, что „свету бы провалиться, а мне чай пить!” Нужно отметить, что один из „подпольных” героев Ремизова — Костя Клочков из романа *Часы*, сходя с ума, мнит себя „Костей Саваофом”.⁷ Эта затекстовая „подсветка” выделяет природу истинных намерений „антихриста” Кабакова. Объявил себя миру”, „изрекающий глас с небеси”, „вождь и судия” — налицо соответствия с *Краткой повестью...* Но обратимся к первоисточнику (т.е. к Библии):

⁵ Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу, Копенгаген 1976, с. 47.

⁶ Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырко, *Смех в Древней Руси*, Ленинград 1984, с. 20.

⁷ А. М. Ремизов, *Собрание сочинений* в 8 тт., СПб., 1910-1912, т. 2, с. 140.

И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними.⁸

Вот — истинный глас Божий, знаменующий Второе пришествие. Старец Кабаков, с граммофоном „изрекающим глас с небеси”, претендует на роль Высшего Судии. „Нерукотворный Новый Сион” — церковный термин, обозначающий „царство святых на небе.”⁹ Лжепророк, метящий на место самого Бога, намеревается создать земную „новую церковь” — мысль сама по себе еретическая и кощунственная, и в тексте это маркируется словами „скоро, просто и дешево”. Намек на В. Соловьева — в цитировании „суда”, „мира” и „милости”. Но что значит — искупитель изначального Муркина греха? Здесь тоже есть параллель с *Краткой повестью...*, где антихрист выступает покровителем животных, но Ремизов обыгрывает этот мотив своеобразно. Страдающее животное в *Крестовых сестрах* — один из аргументов в доказательстве Ремизовым неизбежности страдания на земле как умысла Божьего. Уместно вспомнить в этой связи идею о „**божьем поущении**” А. Данилевского:

Как „божье поущение” Дьяволу в истории с избанием вифлеемских младенцев оборачивается на деле составной частью „божьего промысла” искупительной миссией Спасителя, так „богооставленность мира” — новое „божье поущение”! — должно со временем обернуться предпосылкой для реализации более глобального „божьего промысла” — воскресения и второго пришествия Христа и, тем самым, окончательного „посрамления” Богом Дьявола.¹⁰

Вся человеческая история рассматривается писателем с точки зрения первородного греха („сны” Акумовны). Вводя в повествование мучающуюся кошку, автор ставит вопрос о том, что невозможно объяснить страдания как последствия выбора между жизнью и познанием первопредками. Животное не может выбирать в пользу познания, таким образом Ремизов склонен рассматривать зло как неотъемлемую часть существования, а выбора Адама и Евы по сути дела не было. Правда, для человека страдание может стать ступенькой к спасению. Старец, дерзает изменить миропорядок, положенный от Бога, выступая „**искупителем**”, тем самым освобождая все живое от мук, но при этом лишая человека возможности духовного подвига.

Каким образом совершается переход в этот „Новый Сион”? Подцанные забывают о спасении — то есть забывают христианскую веру (что соответствует и сюжету *Краткой повести...*). Но далее совершаются

⁸ Библия. Откровение Св. Иоанна Богослова, Гл. 14. Ст. 13.

⁹ *Полная популярная Библейская энциклопедия*: В 4 вып. Москва 1981, с. 82-83.

¹⁰ А. А. Данилевский, *Функции автобиографизма в 111-ей редакции романа А. М. Ремизова „Пруд”*, „Ученые записки Тартуского государственного университета” 1988, вып. 822, с. 153.

действия, которые интерпретируются лишь с точки зрения карнавальной символики: обнажение — это знак торжества кромешного мира, (см. напр. лубочную картинку *Бесстыдный в трактир вошел*¹¹). „Рай” у Ремизова — это „антимир”. „Гигантская голова”, заросшая конским волосом, построенная на Бельгийском заводе” — сложная контаминация, требующая разъяснений. Прослеживаются ассоциации с образом Горбачева (его нос, заросший конским волосом^{11 12}), у Горбачева в свою очередь было два прототипа — писатели Ф. Сологуб и Д. Мережковский.¹³ В данном случае более значимым оказывается образ Мережковского, как известного своими религиозными теориями спекулятивного толка, и само имя которого автоматически связывалось со словом „антихрист”. (См. напр. письмо А. В. Гиппиуса к А. А. Блоку:

Дорогой Александр Александрович! В эту пятницу в Соляном Городке состоится лекция Мережковского о Гоголе, где он докажет как дважды два, что Чичиков и Хлестаков — антихристы ... [СПб., 2, марта 1902 г.]¹⁴

Горбачев и старец Кабаков чрезвычайно близки друг другу своей ролью „самозванца” (Горбачев также возвещает Второе пришествие — об этом чуть позже). Живописуя образ Горбачева, Ремизов не скупится на художественные средства. Склонность к церковному благочестию и песнопениям не мешает этому герою умертвить собственную дочь. Его „благочестие” входит в вопиющий контраст с его действиями. Контраст этот отражен и в стилистике текста:

... а на Пасху все эти **дщери песнопения** и весело и задорно отхватывают ему **Христос воскрес**.¹⁵

Стилистическая несочетаемость слов старославянских по своему происхождению с разговорной лексикой — „**дщери песнопения**” и „**весело и задорно отхватывают**” — пример столкновения стилей, дающий юмористический эффект. Однако речь Горбачева создает эффект уже далекий от юмора:

Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко, я всех вас, шельмецов, перевешаю на веревочке! — ворчит обиженный ... окуривая ладаном по субботам все свои тридцать углов и злобно и горько перемешивая божественное с непотребным¹⁶

¹¹ Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко, *Смех в Древней Руси*, op. cit., с. 13, 52.

¹² А. М. Ремизов, *Крестовые сестры*, Москва 1989, с. 21.

¹³ А. А. Данилевский, *A realioribus ad realia*, „Ученые записки Тартуского государственного университета” 1987, вып. 748, с. 107-108.

¹⁴ „Литературное наследство”, Москва 1980, т. 92, кн. I, с. 431.

¹⁵ А. М. Ремизов, *Крестовые сестры*, Москва 1989, с. 20.

¹⁶ Там же, с. 21.

Сочетание библеизмов с бранью — пример кощунственного снижения понятий „высокого” в этике и морали. „Перемешивание божественного и непотребным” становится основным структурообразующим принципом создания текста *Крестовых сестер*, это смешение — знак зловещего хаоса.

„Голова” — долженствует отразить всю умозрительность подобных попыток устроения лучшей жизни и авторский скепсис по отношению к ним (здесь важны и автобиографические моменты для понимания этого фрагмента — негативное отношение Ремизова к Мережковскому)¹⁷. Следует также усмотреть намек на напрасные надежды основать это царство сытости и благоденствия, исходя из логических посылок прагматической пользы, которая не затрагивает вопросов духовной жизни.

„Завод” — по-видимому своей знаковой природой связан с мотивами политической борьбы, революции как одного из методов переустройства земной жизни. Ремизов по существу „проигрывает” все возможные варианты улучшения человеческого существования: наука, открытия; политические реформы — парламентским путем; революция — это методы реальные. Предлагаются и ирреальные — обман и чудеса. Указание на революционный путь, ведущий в „земной рай”, есть еще в одном месте *Крестовых сестер* с однозначной авторской оценкой:

А когда Цыганов куда-то исчез с фабрики от Плотникова: одни говорили, что его в Сибирь сослали, другие, что он за Трехгорной заставой на заводе устроился и с большим окладом, а третьи, что объявил будто бы миру чуть ли не Новый Сион...¹⁸

Эта цитата, где на одну доску ставится большой оклад и устройство „Нового Сиона”, достаточно красноречива; кроме того, Цыганов, занимавшийся распространением листовок (т.е. революционер), наделен чертами насильника. Все „лжепророки” (Кабаков, Горбачев, Цыганов) отталкивающе порочны.

Новый „рай” Ремизов, как и В. Соловьев, связывает с идеей всеобщей сытости (основной по их мнению для сторонников политической борьбы за справедливое общество). Но у автора *Крестовых сестер* этот мотив усилен. Появляется „коровий колокольчик” — идея построения счастливого „сытого” общества доведена до логического тупика: коровье стадо, да еще под непрерывным присмотром — вот перспектива человечества, поверившего лжепророкам. „Разумное и доброе” у Ремизова — это соловьевские „все благородные и трезвые умы”.

Заметим, что поэтика исследуемого фрагмента текста основана на эффекте столкновения, „взрыва” полярно противоположных смысловых

¹⁷ А. А. Данилевский, *A realioribus ad realia*, op. cit., с. 119-120.

¹⁸ А. М. Ремизов, *Крестовые сестры*, Москва 1989, с. 80.

и стилистических единиц. Это и приводит к созданию фарса. Словесный „взрыв” — знак дьявольской „бездны” посредством языка. Л. К. Долгополов писал, что

Взрыв и бездна — два центральных образа-символа художественного творчества Белого в зрелый период, последовательно обозначающий этапы приобщения человека к мировой жизни и выхода его за пределы бытовой эмпирии.¹⁹

У Ремизова „взрыв” не получает такого глобального „космического” значения. Но он также присутствует в знаковой структуре произведения. „Взрыв” языковой стихии — это знак вторжения сил зла, перемешивания „нижнего” и „верхнего”. А. Shane предлагает термин „fusion”²⁰ в отношении стиля Ремизова, в данном случае хочется предложить термин „explosion”. Сочетая стиль высокий, торжественный — библеизмы, церковнославянизмы с разговорно сниженными формами, писатель достигает адекватного словесного выражения существования „антимира”. „Фортель и шельмовство” в одном ряду с „дерзновением”. Старец Кабаков — новоявленный „антихрист”, характеризуется как „светоносный святолепный” — достаточно справиться у Даля, чтобы ощущение кощунственного фарса подтвердилось („Светоносный ангел; — облако; — учение или истина”; „Святоле(п)ный образ”²¹). „Вождь и судия” искупает „Муркин грех”, а „Новый Сион” творится „скоро, просто и дешево”. Антимир рисуется в традициях карнавальской культуры, а языковой строй отражает все нюансы мировоззренческой установки автора.

Интересно заметить, что соловьевский „рай” с его равенством и сытостью, преобразившийся у Ремизова в коровье пастбище, возникает снова в литературной традиции — в творчестве поэтессы и переводчицы А. Радловой, одно время входившей в круг знакомых писателя. В его рукописный альбом *Цветник* она вписывает стихотворение, посвященное А. М. Ремизову, где будут фигурировать пресловутые „колокольчики” (у Радловой — „бубенчики”). Стихотворение перекликается с *Крестовыми сестрами* общей идеей — человек — ничто без Бога:

Алексею Михайловичу Ремизову

Бывают же на свете лимонные роши,
Земля, рождающая вдоволь хлеба,
Нестерпимо теплое, фиалковое небо
И в узорчатых соборах тысячелетние нестрашные мощи.

¹⁹ Л. К. Долгополов, *А. Белый и его роман „Петербург”*, Ленинград 1988, с. 313.

²⁰ А. Shane, *An Introduction to Alexej Remizov*, „Russian Literature Triquarterly” XXVII, 1973, p. 10-11.

²¹ В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка* в 4 тт., Москва 1856, т. 4, с. 159, 162.

И гуляют там с золотыми пустыми бубенчиками
в груди люди
—
Господи, Ты самый справедливый из Судий,
Зачем же Ты судил, чтобы жизнь наша была так темна и убога,
Что самая легкая из всех наших дорог — к Тебе дорога?
Почему нет у нас ни цветов, ни вина, ни хлеба
И над нами торчит как черная крышка небо?
А Бог отвечает: хмельнее вина, жарче огня, скрытней земли,
глубже воды,
Утешнее сна, сладе чем все земные плоды
Подарена вам любовь,
Теплая и соленая как кровь.

Анна Радлова. Пг., 13 марта 1920 г.²²

Итак, как видно из приведенного анализа данного фрагмента „земного рая”, Ремизов, пользуясь библейским сюжетом и текстом *Краткой повести... В. Соловьева*, создает свою версию Второго пришествия — как Антипришествия. На сюжетную канву *Краткой повести... наслаиваются* конкретные исторические и автобиографические детали, акцент делается на понимании человеческой истории как истории постоянных страданий, а любые попытки построить рай на земле выглядят прежде всего нарушением миропорядка, положенного от Бога, и поэтому все подобные поползновения — суть происки Дьявола. Человечество, накормленное и освобожденное от мук, скатывается к животному состоянию, перестает быть одухотворенным созданием рук Божьих. Любые попытки человека вмешиваться в сам строй жизни обречены на провал и ведут к потере глубинного смысла человеческого существования — потере понятия нравственного подвига, где горе и мука открывает путь в царство Духа.

Горе — источник, оживляющий сухие силы. И горе — путь, по дорогам не полевым и лесным, а небесным. ... Везгорный человек — жуткое существо ...

[запись в дневнике А. М. Ремизова 29 августа 1947 г.]²³. Автор пользуется приемами карнавальской поэтики, но, если смеховая культура средневековья в большинстве своем отражает жизнеутверждающие настроения²⁴, то пародия и гротеск Ремизова являются гротеском модернизма с его „страхом жизни”, „мотивами безумия”, „людей-марионеток” и т.д.²⁵

Теперь обратимся к фрагменту „смертного поля”. Высший Суд представляется Маракулину следующим образом:

²² А. М. Ремизов, *Мой альбом. Цветник*, ГПБ.-Ф. 634, Ед. хр. 17. Л. 9.

²³ Н. Кодрянская, Алексей Релизов, Париж 1959, с. 197.

²⁴ М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва 1965.

²⁵ Там же, с. 56-57.

И ночью привиделось, что будто лежит он на Бурковой дворе ... И не один он лежал на дворе, с ним вместе лежали все жильцы и с парадного и с черного конца дома, из флигеля и горбачевских углов. ... акушерка Лебедева, покрывая еховой зимней шубой, которую у ней на Рождество украли, ... и студенты, которые панихиду по ночам пели, так и лежали рядышком в студенческих новых мундирах и с своим единственным медным краном, и все семь дворников и паспортист Еркин с больничными рублевыми марками; весь облеплен марками, все лицо и руки. ... А когда Маракулин, узнав во всех своих бурковских, зорче стал вглядываться, то увидел и не бурковских — ... всех блаженных и юродивых, старцев и братцев, и всяких бельгийцев и немцев; скучены были немцы вокруг доктора Виттенштаубе, который лечит от всех болезней рентгеновскими лучами, и наконец, всю бродячую Святую Русь.

Так лежали на Бурковой дворе, как на смертном поле, но не кости, живые люди, не сухие кости, живые люди, у всех жило и билось сердце.

И звери с людьми лежали, красивый рыжий губернаторский пес **Ревизор...** где-нибудь и Мурка лежала, только застил ее какой-нибудь дымчатый кот.

А рядом с Маракулиным генеральша Холмогорова лежала, **вошь**.

... „Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко!“ — нескладно, точно спросонья, потянул носом, заросшим конским волосом, Горбачев.

И вот забрэнчал что-то, как шашкой, и из шкапчика-**ларька** вышел пожарный, нечеловечески огромный, в огромной медной каске, и пошел, застучал сапогами... Это был самый обыкновенный пожарный — красная рожа. ... И хотел бы Маракулин дерзнуть, как какой-нибудь старец Кабаков, молитвою вызывающий **глас с небеси**, за всех, за весь мир спросить пожарного, но духу не хватило по-кабаковски спросить за всех, за весь мир, за все **смертное поле** и он спросил о себе:

„А мне хорошо будет?“

И ответил ему пожарный да так уныло, едва слово кончил:
„Хо-ро-шо“²⁶

Картина Страшного Суда дана Ремизовым явно в пародийном духе: люди и животные лежат вповалку, введены конкретные бытовые детали, которые сводят на нет высокую торжественность библейского сюжета (медный кран, меховая шуба, Еркин, облепленный марками и т.д.). Это пародия на Откровение, как и пародирование, например, Ф. Сологубом в *Мелком бесе* сцены „заклания агнца“²⁷, имеет под собой идею измелчания, регресса истории. О Суде Божьем возвещает Горбачев, „джепророк“, подобный Кабакову. Речь Горбачева, по-видимому, представляет собой контаминацию и обработку обращений трех Ангелов:

„И увидел я другого Ангела, летящего по середине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу; И говорил он громким голосом: убийтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его...;

²⁶ А. М. Ремизов, *Крестовые сестры*, Москва 1989, с. 73-74.

²⁷ З. Г. Минц, *О некоторых „неомифологических“ текстах в творчестве русских символистов*, „Ученые записки Тартуского государственного университета“ 1979, вып. 459, с. 113.

И третий Ангел последовал за ними, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его ... Тот будет пить вино ярости Божьей, вино дельное, приготовленное в чаше гнева Его.;

И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом сидящему на облаке: пусти серп свой и пожни, потому что пришло время жатвы; ибо жатва на земле созрела”²⁸

В речи Горбачева соединяются и перефразируются несколько библейских цитат, и он соответственно является „ангелом”, провозвестником Пришествия, но Пришествие оборачивается своей противоположностью, если его возвещают такие „ангелы”.

Пожарный — искаженная проекция другого Ангела:

„И иной Ангел, имеющий власть над огнем, вышел от жертвенника и с великим криком воскликнул к имеющему острый серп: пусти острый серп свой и обрежь грозды винограда на земле, потому что созрели ягоды ...”²⁹

(Относительно пожарного у Aronian S. имеется другая версия, которую также можно принять во внимание, не отбрасывая предложенной: „the fireman, symbol of hell’s fiery holocaust.”³⁰

В эпизоде „смертного поля” опять повторяются (автоцитируются) и старец Кабаков, и доктор Виттенштаубе, и генеральша Холмогорова, и уже упомянутый Горбачев, причем повторяются и некоторые ключевые слова из предыдущего отрывка („Глас с небеси”, „дерзнуть”). Таким образом, сцены „земного рая” и „смертного поля” дополняют друг друга и отчасти смыкаются — „смертное поле” и представляет собой в какой-то степени этот ложный рай. И там, и здесь в финале обещана лучшая жизнь, но в последнем случае обещание это — „унылое”. Пришествие оборачивается антипришествием, как „рай” оборачивается антимиром. Но пародийная форма у Ремизова осложняется высокой трагедийной нотой страдания человеческой души: „... у всех жило и билось сердце”. Это сказано о всех живущих — писатель не отделяет „овец от козлиц”.

Итак, Апокалипсис в *Крестовых сестрах* выглядит как глобальная пародия, где Высший Судия заменен даже не антихристом, а жалкими подобиями на него (происходит дробление образа). Ремизов таким образом выстраивает повествование, что смешное является выражением ужасного. Слияние страха и смеха — знак разрушения всех норм и ценностей; действительность „мельчает” и „встает с ног на голову” перед тем как исчезнуть.

²⁸ Библия. Откровение. Гл. 14, Ст. 6, 7, 9, 10, 15.

²⁹ Там же, Гл. 14, Ст. 18.

³⁰ S. Aronian, *The Hidden Determinant: Three Novels of Remizov*, „Russian Literature Triquarterly” XIX, 1986, p. 153-154.

SUMMARY

The article „*Sisters in Cross*” by A. M. Remizov: *Interpretation of Apocalypse* is devoted to using the Bible sujet by the writer.

Remizov takes the motives of Bible (Otkrovenie) and of V. Soloviev’s *Tri razgovora... (Kratkaya povest ob antichriste)* creating, however, his own conception, style and system of symbols.

The symbolism philosophy is expressed in Remizov’s novel by traditional poetics influenced by Russian literary parody of 17 century.

The apocalyptic scenes are described as grotesque where Christ is replaced by antichrist, even Remizov’s „antichrist” looks like spoiled copy of true one.

The article contains detailed textual comments and analysis.